

Брендон Сандерсон
«Архив буресвета», книга 5
Пролог. Жить

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta
Booktran, 2022 г.

Гавилар Холин был в одном шаге от бессмертия.

Оставалось лишь отыскать правильные слова.

Он обошел вокруг девяти Клинков Чести, вонзенных в камень. Воняло горелой плотью, и омерзительный запах казался еще более тошнотворным от того, как на него реагировал голодный желудок. Гавилар повидал достаточно погребальных костров и знал его досконально, однако на сей раз казалось, что тела сжигали во время сражения, а не после.

– Это называется Ахаритиам.

Он задержал пальцы на каждом клинке. Когда он станет Вестником, будет ли его клинок подобен этим, наполненным силой и воспетым в легендах?

– Конец света. Это ложь?

«Зависит от того, что для тебя ложь, – прозвучал у него в голове голос Буреотца. – Многие, кто его так называет, верят в свои слова».

– А Вестники? – Гавилар указал на клинки. – Во что они верили?

«Если бы они жили абсолютно честно, я не искал бы им замены».

Гавилар кивнул.

– Я приношу клятву служить Чести и земле Рошара в качестве Вестника. Служить лучше, чем прошлые Вестники.

«Это не те слова, – отозвался Буреотец. – Гавилар, ты никогда не отыщешь их наугад».

Но, разумеется, он будет пытаться. Гавилар не добился бы своего нынешнего положения самого могущественного человека в мире, если бы не делал то, что другие считали невозможным. К счастью, можно не слишком полагаться на догадки. Есть и другие, более перспективные наводки.

Он снова обошел кольцо клинков, один на один с ними в тени монолитов. Побывав в этом видении десятки раз, он мог назвать каждый клинок и соответствующего Вестника. Тем не менее Буреотец по-прежнему скрытничал насчет того, как Гавилару вести себя в этих видениях. С каждым днем он открывал нечто новое, а Буреотец заявлял, что все должно быть не так. Сколько всего удалось бы достичь, действуй спрен с ним заодно?

Неважно. Он своего добьется. Гавилар схватил волнистый, изогнутый клинок. Этот принадлежал Вестнику Йезриену. Он вытащил его из камня и размахнулся, наслаждаясь тем, как клинок со свистом режет воздух.

– Нохадон знал Вестников, – сказал он. – Успел хорошо их узнать перед тем, как они умерли. Возвращение случилось на его веку.

«Да», – признал Буреотец.

– Они ведь где-то там? Правильные слова где-то в «Пути королей»?

«Да».

Так он и думал. Гавилар уже вызубрил всю книгу наизусть – разумеется, он научился читать много лет назад. Это того стоило ради одних только комментариев. Если бы он знал, как забавляются женщины, оставляя эти комментарии, то научился бы читать намного раньше. Но настоящая причина освоения грамоты важнее: теперь он мог охотиться за тайнами, не посвящая в свои дела женщин.

Он отшвырнул клинок Вестника. Тот звякнул по камню, отчего Буреотец раздраженно зашипел. Гавилар мысленно упрекнул себя. Это просто видение, и его обрывки для него ничего не значат, однако нужно соблюдать внешнюю благопристойность – казаться праведным и достойным, пока он не добьется своего. Мнение Буреотца может повлиять на преобразование.

Следующим Гавилар поднял клинок Чанарач. Ему нравился этот клинок. Как и прочие, он был украшен: большой орнамент в виде наконечника стрелы вился у рукояти, но, кроме этого, прорезь посередине делила клинок надвое. Никто не стал бы делать такую дырку в обычном мече – это, по

крайней мере, непрактично. Для обыкновенного оружия задумка глупая, здесь же – символ того, насколько клинок неестественный, невозможный.

– Чанарач была воительницей, – произнес Гавилар. – Я в это верю; это клинок воина. Прямой и надежный, но с маленькой невероятностью посередине. Вот бы увидеть Чанарач в бою. В легендах часто упоминается, что у нее были огненно-рыжие волосы. Это правда?

«Да».

– Мне кажется, что я прекрасно знаю каждого из них. – Он подержал клинок перед собой, затем повернул лезвием к себе. – Мои соратники. Но в толпе я их не узнаю.

«Твои соратники, только если отыщешь слова».

Слова. Самые важные слова в жизни Гавилара. Когда он найдет правильные, его примут в Клятвенный договор и он вознесется к бессмертию. Он пока не спрашивал, чье место займет. Это бестактность, а он не хотел показаться бестактным перед Буреотцом, хотя подозревал, что заменит Таленелата. Тот не оставил свой клинок, прежде чем развернуться и уйти на все четыре стороны, а потом умереть. Пожалуй, его поступок – наперекор остальным – сыграл решающую роль в разрыве Клятвенного договора.

Гавилар воткнул меч обратно в камень.

– Вернемся.

Видение сразу погасло. Он очутился в своем кабинете на третьем этаже дворца: на стенах полки с книгами, укромный письменный стол для чтения, гобелены и ковры, чтобы приглушать голоса. На Гавиларе был роскошный королевский наряд для предстоящего пира – скорее старомодный, чем современный, под стать бороде. Борода тоже выделяла его среди светлоглазых алетей. Гавилар хотел, чтобы его считали человеком постарше, даже древним, далеким от мелких интриг.

Официально этот кабинет был закреплен за Навани, но это ведь его дворец. Все в нем принадлежит ему. Его редко искали здесь, а после недавней суматохи – незначительные людишки, незначительные проблемы – ему требовалось место, где можно побыть наедине со своими мыслями.

Стражники не стучали, чтобы предупредить о приходе гостей, иначе Буреотец сообщил бы ему в видении. Гавилар вытащил из кармана небольшой блокнот с последними отчетами по местности вокруг Расколотых равнин. В нем все больше крепла уверенность, что там находятся древние Клятвенные врата. А судя по тому, что сказал Буреотец, возможно, они не заблокированы. С помощью врат он найдет легендарный Уритиру, а значит, записи, которые могли оставить древние Вестники.

Просто еще одна ниточка, за которую он тянет, среди многих других. Он найдет правильные слова. Он уже близко, так мучительно близко к тому, чего втайне желают все люди, но добились только десятеро. Вечная жизнь. Наследие на тысячелетия, поскольку сам его пестуешь.

«В этом нет такого величия, как ты думаешь», – сказал спрен.

Гавилар насторожился и оглядел небольшую комнату, но сегодня Буреотец оставался невидимым и не проявился, как иногда, в виде мерцания.

Буреотец ведь не может читать мысли? Нет. Нет, Гавилар проверял. Спрену неведомы его потаенные планы. Если бы он знал, что у Гавилара на уме, то не имел бы с ним дел.

– В чем нет величия? – спросил он, убирая блокнот обратно в карман.

«В бессмертии. Оно выматывает мужчин и женщин. изнашивает их самих и их разум. Большинство Вестников теперь безумны – страдают от необычных умственных недугов, каждый по-своему, в зависимости от их древней природы».

– Сколько проходит времени до того, как начинают проявляться симптомы?

«Трудно сказать. Тысяча лет. Может, две».

– Значит, у меня будет время, чтобы найти решение. И гораздо больше, чем столетие – столько, если повезет, отведено смертному. Не находишь?

«И ты готов заплатить такую цену? К твоему возвращению все, кого ты знаешь, обратятся в прах».

И вот она ложь:

– У короля есть долг перед народом. Став Вестником, я позабочусь о нуждах Алеткара так, как не удавалось ни одному монарху. Ради этого я готов претерпеть личные страдания.

Буреотец, похоже, обдумывал его слова. Гавилар не знал, верит ли ему спрен, когда он говорит такое.

– «Если я должен умереть, – процитировал он "Путь королей", – то умру, прожив жизнь правильно. Важна не цель, а то, как к ней идти».

«Даже не близко, – сказал спрен. – Гавилар, ты не угадаешь слова».

Да, но слова где-то в этой книге, скрытые среди ханжеских нравоучений, как белоспинник в колючих кустах. Это не очевидная цитата, поэтому Гавилар начал произносить менее очевидные. Если это не принесет плодов и поиски Уритиру зайдут в тупик... что ж, есть и другие способы.

Гавилар Холин не привык проигрывать. Так величайшие люди проживали свои жизни – не смиряясь с провалами и поражениями. Каждый получает то, чего ожидает. А он ожидал не просто победы, а божественности.

Стражник тихонько постучал. Уже пора? Гавилар разрешил Петинору войти, но тот не привел ни Рестареса, ни других гостей, с которыми Гавилар собирался встретиться.

– Сир, здесь ваш брат, – сказал стражник.

– Что? Как он меня нашел?

– Полагаю, заметил, что мы стоим на страже.

Вот досада.

– Впусти его, – сказал Гавилар.

Стражник поклонился и вышел. Спустя секунду в кабинет с грацией трехлаплого чулла ворвался Далинар и, хлопнув дверью, проревел:

– Гавилар! Я хочу поговорить с паршенди.

Гавилар испустил долгий и глубокий вздох.

– Брат, я предупреждал тебя держаться подальше от этих существ. Ситуация очень деликатная, и мы не хотим их оскорбить.

– Я не буду их оскорблять, – проворчал Далинар.

На нем была такама – старомодное воинское одеяние – и открытая спереди накидка, под которой виднелась мощная, хоть и с седыми волосками грудь. Он протиснулся мимо Гавилара и плюхнулся в кресло у стола.

Бедное кресло.

– Почему, Далинар? – Гавилар поднес руку ко лбу. – Какое тебе вообще до них дело?

– А тебе? – требовательно спросил тот. – Этот договор, этот внезапный интерес к их землям. Почему? Что ты задумал? Скажи мне, в чем дело. Я имею право знать.

Ох уж этот прямолинейный Далинар. Утонченности, как в кувшине рогоедского белого. И столько же ума.

– Скажи откровенно, – продолжал Далинар. – Ты собираешься их завоевать?

– Если таковы мои намерения, зачем подписывать договор?

– Не знаю. Просто... не хочу, чтобы с ними что-нибудь случилось. Они мне нравятся.

– Они паршуны.

– Мне нравятся паршуны.

– Ты замечал паршуна, только если он мешкал с твоей выпивкой, – заметил Гавилар.

– Что-то в них есть. Я что-то чувствую, некое родство.

– Что за глупость. – Гавилар подошел к столу и склонился над братом. – Далинар, что с тобой происходит? Куда подевался Черный Шип?

– Может, он просто устал, – тихо ответил Далинар. – Или ослеп. От сажи и пепла мертвых, что все время летят в лицо...

На мгновение Гавилару показалось, что брат говорит о видении. Ерунда, разумеется. Далинар имел в виду случившееся в Разломе. О чем, как он думал, Гавилар не знает.

Какая же морока. Скоро придет Рестарес, и нельзя забывать о Тайдакаре. Столько ножей балансируют на острие, одно неверное движение – они соскользнут и порежут его. Некогда разбираться еще и с Далинаром, которого одолели угрызения совести.

– Брат, что бы сказала Эви, увидь тебя таким?

Это было тщательно заточенное копьё, угодившее Далинару прямо под дых. Ведь он думал, никто не знает, что он натворил. Но Гавилар понял, что копьё достигло цели, по тому, как Далинар вцепился в стол, как отшатнулся, услышав имя жены.

Коварное напоминание. А за ним мягко еще одно.

– Она бы хотела, чтобы ты держался как воин, – тихо добавил Гавилар. – И защищал Алеткар.

– Я... – прошептал Далинар. – Она...

Гавилар протянул руку и помог брату подняться, а потом повел к двери.

– Вот так. Держись прямо. Прекрати беспокоиться.

Далинар кивнул и взялся за дверную ручку.

– О, и вот что, брат, – произнес Гавилар. – Следуй сегодня Заповедям. Ветра принесли что-то странное.

Заповеди запрещают пить, если надвигается битва. Просто небольшое напоминание, что сегодня пир и вино будет литься рекой. Через миг Далинар вышел за дверь. В его неуклюжих, податливых мозгах, скорее всего, крутились только две мысли.

Первая: что он сделал с Эви.

Вторая: как найти выпивку покрепче, чтобы избавиться от первой мысли.

Когда Далинар исчез в глубине коридора, Гавилар подозвал стражника Петинора. Это был доверенный человек, один из Сынов Чести. Их организация – еще один балансирующий на острие нож. Они не должны узнать, что Гавилар перерос их самих и их планы.

– Ступай за моим братом, – сказал Гавилар. – Проследи, чтобы он раздобыл выпивку, но в открытую не предлагай. Отведи его к тайным запасам моей жены.

– Вы уже велели мне это пару месяцев назад, сир, – прошептал Петинор. – Так что он о них уже знает. Боюсь, там мало что осталось. Он любит делиться с солдатами.

– Значит, найди ему что-то еще. Я сам вприцу Рестареса и остальных. Ступай.

Стражник поклонился и ушел за Далинаром. Гавилар плотно прикрыл дверь, но не удивился, когда услышал в голове голос Буреотца:

«У него есть потенциал, который ты не видишь».

– У Далинара? Конечно, есть. Если его направить в нужную сторону, он сожжет дотла целые страны. Просто в остальное время нужно накачивать его выпивкой, чтобы он не сжег дотла свою страну.

«Ты его недооцениваешь, он способен на большее».

– Далинар – здоровенный, тупой и грубый инструмент, которым долбишь проблему, пока не разобьешь. В остальных случаях лучше приставить его к какому-нибудь делу, чтобы он вдруг не начал думать и не посчитал проблемой тебя.

Гавилар поежился, вспомнив, как однажды на поле битвы брат подошел к нему, весь в крови. Глаза его светились красным, словно он жаждал престола и жизни, которую вел Гавилар...

Это воспоминание – во что мог превратиться Далинар – частенько его преследовало. Видение вроде тех, что насылает Буреотец. К счастью, брат – беззлобный пьяница. Им легко управлять и из-за его боли, и из-за пристрастия к спиртному.

До прихода Рестареса еще оставалось время, чтобы поразмыслить над планами, но вскоре в дверь снова постучали. Гавилар открыл сам, но на пороге никого не обнаружилось. Буреотец предупредительно зашипел у него в голове, и по спине Гавилара побежали мурашки.

Развернувшись, он увидел Тайдакара. Повелитель Шрамов собственной персоной, закутанный в плащ с капюшоном. Бури, как он такое вытворяет? Он не может быть обычным человеком.

– Ты дал мне обещание. – Лицо Тайдакара скрывалось в тени капюшона. – Гавилар, я предоставил тебе информацию самой высокой ценности. В качестве платы ты должен был передать мне одного-единственного человека. Но ты, я слышал, вступил в его шайку бредовых фантазеров?

– Мне нужно, чтобы он мне доверял, Тайдакар. Если я вообще отдам его тебе.

– Мне кажется, – продолжал Тайдакар, – ты больше печешься о собственных интересах, чем о нашей сделке. Мне кажется, потребовав его у тебя, я лишь указал тебе на нечто ценное, а ты решил придержать это для себя. Мне кажется, ты ведешь свою игру.

– А мне кажется, – Гавилар шагнул ближе к фигуре в плаще, – что ты не в той позиции, чтобы предъявлять требования. Я тебе нужен. Иначе ты бы не был в таком отчаянии. Так почему бы нам просто... не продолжить игру?

Мгновение Тайдакар оставался неподвижным. Затем с громким вздохом поднял руки в перчатках и снял капюшон. Гавилар застыл: они встречались несколько раз, но он никогда не видел его лица.

Лицо было синим. Аймианец?.. Натанец? Нет, синий более приглушенный и сияющий, словно Тайдакар весь соткан из бело-синего света. Он оказался моложе, чем представлялось Гавилару, – мужчиной средних лет, а не иссохшим стариком. Из одного глаза у него торчал большой штырь, тоже синий. Острие выходило сзади из черепа.

Казалось, штырь должен был придавать ему угрожающий вид, но гнева в его облике не чувствовалось.

– Гавилар, – произнес Тайдакар, – тебе нужно быть осторожным. Ты еще не бессмертный, однако уже играешь с силами, которые разрывают смертных на части.

– Ты их знаешь? – жадно спросил Гавилар. – Слова, которые я должен произнести? Самые важные слова в моей жизни?

– Нет. Я только хочу, чтобы ты соблюдал осторожность. Рестарес – не тот, за кого ты его принимаешь. И всё не так, как ты думаешь. Доставь его моим посредникам, и мы поможем тебе вернуть древние дни, которых ты так жаждешь. Дадим силам шанс вернуться.

– Я это перерос, – сказал Гавилар.

– Гавилар, ты не можешь «перерасти» прилив. Ты либо плывешь с ним, либо тебя сносит прочь. Все, что мы начали, движется полным ходом. И, если честно, я не знаю, наша ли в том заслуга. Думаю, прилив нахлынул бы независимо от наших действий.

Гавилар хмыкнул.

– Что ж, я собираюсь...

Тайдакар преобразился. Лицо поплыло, черты сгладились, голова превратилась в простую, парящую в воздухе сферу. Сфера светилась, в центре виднелась какая-то загадочная руна. Плащ истаял завитками дыма.

Гавилар жадно зарычал. Это... это очень напоминало то, что он читал о силах светоплетов – Сияющих рыцарей. Неужели Тайдакар...

– Доставь мне Рестареса, – сказала, вибрируя, сфера, хотя у нее не было рта. – Иначе... Это ультиматум, Гавилар. Тебе не понравится быть моим врагом.

Сфера стала почти прозрачной, едва заметной и подлетела к двери, потом съежилась, опустилась к полу и исчезла в щели под дверью.

Гавилар взволнованно положил руку на стол.

– Что это было? – спросил он Буреотца.

«Нечто опасное», – ответил спрен.

– Сияющие?

«Нет. Похоже, но нет».

Гавилар хотел поразмыслить над своими планами до следующей встречи, но обнаружил, что дрожит. Это было глупо. Он шквальный король, а скоро станет полубогом. Нечего так тревожиться из-за дешевых трюков и неясных угроз.

Он все-таки уселся за стол, глубоко дыша. На столе были разбросаны записи и схемы механических проектов, на которых помешалась Навани. Он подумал, что это не впервые. Получится ли у нее разрешить его вопрос? Стоит ли ей довериться?

Он скучал по временам, когда они вместе строили планы, – в эпоху завоевания Алеткара. Давно ли они все просто смеялись вместе? Он, Йалай, Эсудан и Садеас?

К сожалению, эта тайна не из тех, которыми делятся. Гавилар слишком хорошо знал всех троих, а спрен намекал, что место есть только для одного Вестника. И Йалай, и Садеас забрали бы награду себе, если бы смогли, и он не стал бы их винить.

А вот Навани... Он прикинул варианты. Можно ли ей доверять? Попробует ли она отобрать награду? Поймет ли вообще ее ценность? Она так умна, так хитра в некоторых отношениях. И все же, когда он завел речь о том, что хочет оставить великое наследие, она погрязла в деталях. Так озабочилась тем, где разместить предгорья, что отказалась подумать о самой горе.

Он сожалел о том, во что в последнее время превращаются их отношения. Эта растущая, вернее, уже выросшая холодность... Она отравляла и отношения с детьми. При мысли об этом сжалось сердце. Нужно...

«К твоему возвращению все, кого ты знаешь, обратятся в прах...»

Возможно, все к лучшему.

У Гавилара были планы, как сгладить свое исчезновение из этого мира, но нельзя сказать точно, сработают ли они. Возможно, потребуется несколько попыток, чтобы наловчиться управлять возвращениями врага. Так что... чем меньше привязанностей, тем лучше. Проще отсечь все начисто, как осколочным клинком.

Гавилар заставил себя сосредоточиться на планах и хорошо подготовился к тому времени, как явился Рестарес. Лысеющий мужчина не стал стучать, просто заглянул внутрь и, нервно проверив каждый угол, скользнул в кабинет. За ним последовала тень – высокий, властный макабаки с родимым

пятном на щеке. Узнав о его прибытии, Гавилар велел предоставить им комнаты и обращаться с ними как с «послами», но поговорить со вторым мужчиной пока не успел.

В походке мабаки сквозила некая прямолинейность, непоколебимость. Словно он не из тех, кто уступает, – ни ветру, ни буре и уж точно не человеку.

– Гавилар Холин. – Мужчина не подал руки и не поклонился. – Рад наконец побеседовать с тобой.

Их взгляды встретились.

Гавилар сразу впечатлился. Когда Рестарес попросил разрешения привести друга, Гавилар ожидал кого-нибудь похожего на самого Рестареса.

– Что-нибудь выпьете? – Гавилар указал на небольшой бар.

– Нет, – только и ответил мужчина. Ни спасибо, ни любезностей. Интересно. Интригующе.

Рестарес, напротив, подскочил к бару, как ребенок, которому предложили сладости. Даже после стольких лет знакомства, присоединившись к его воссозданной организации, Гавилар находил Рестареса чужаковатым. Невысокий лысеющий человечек перенюхал все вина, но ничего не выбрал. Он никогда не пил в присутствии Гавилара, но все равно всегда все проверял. Будто хотел найти яд и доказать самому себе, что его паранойя оправдана.

– Прости, – произнес Рестарес, заламывая руки. – Прости. Но... мне сегодня не хочется пить, Гавилар. Прости.

Одно беспокойство от этого чудака. Гавилар склонялся к тому, чтобы вышвырнуть его прочь и перехватить управление над всей организацией.

Но... почему Тайдакар так интересуется Рестаресом, охотится за ним? Кроме того, время от времени Рестарес удивлял Гавилара.

Кто он такой? Разумеется, вряд ли кто-то важный. Возможно, настоящая власть в руках его друга. Может быть такое? Может быть, что Гавилара два года держали в неведении относительно столь важных обстоятельств?

– Рад, что ты пожелал встретиться, – сказал Рестарес. – Да, м-м... Поскольку, м-м... Итак... заявление. У меня есть заявление.

Гавилар нахмурился.

– Какое?

– Я слышал, ты хочешь, м-м... вернуть пустоносцев? На землю?

– Рестарес, ты основал Сынов Чести, чтобы вернуть людям древние клятвы. Чтобы возродить Сияющих рыцарей. А они исчезли вместе с пустоносцами. Поэтому, если мы вернем пустоносцев, к людям могут вернуться силы. Это логичный следующий шаг.

«Что важнее, – подумал он, – явятся Вестники. Вернутся из страны мертвых, чтобы снова вести нас. И чтобы я мог заполнить место среди них».

– Нет, нет, нет, – зачастил Рестарес с несвойственной ему твердостью. – Это так не делается! Я хотел, чтобы к людям вернулась честь! Я хотел выяснить, что делало Сияющих столь великими, прежде чем все пошло наперекосяк. – Он провел рукой по жиденьким волосам. – Прежде чем... я заставил их... сделать все наперекосяк...

Гавилар посмотрел на друга Рестареса. Тот со строгим видом ждал у двери, сложив руки на груди. Как отец, заставший ребенка за дегустацией вин для взрослых.

Рестарес старался не смотреть Гавилару в глаза.

– Нам... нам вообще нужно отказаться от попыток вернуть силы, – вяло добавил он. – Это... это опасно. Слишком опасно. Нельзя... допустить новое возвращение.

Разговор вдруг вызвал у Гавилара раздражение. Он снова подумал, не избавиться ли от этого человека. Но... нет. Еще не все тайны раскрыты. Кроме того, Рестарес все еще важен для организации. К примеру, его уважает Амарам и многие другие.

– Рестарес. – Гавилар подошел к невысокому человечку. – Что с тобой не так? Ты толкуешь о том, чтобы предать все, во что мы верим?

Вернее, притворялись, что верим.

Рестарес пожал плечами.

– Меня... убедили в опасности...

– Опасностей гораздо больше, чем тебе известно. – Гавилар незаметно встал так, чтобы нависнуть над раскисшим, вжавшимся в угол Рестаресом. – Ты слышал о человеке по имени Тайдакар?

Рестарес поднял голову и вытаращил глаза.

– Он хочет тебя найти. До сих пор я тебя защищал. Но он выдвинул требования. Знаешь, почему? Чего он от тебя хочет, Рестарес?

– Тайны, – прошептал тот. – Он... терпеть не может... когда у другого человека больше тайн, чем у него.

– Что за тайны? – жестко спросил Гавилар, отчего Рестарес съежился. – Что тебе известно? Я долго терпел твои игры, твою ложь. Если ты хочешь мою поддержку, то должен все рассказать. Что происходит? Чего хочет Тайдакар?

– Я знаю, где ее спрятали, – прошептал Рестарес. – Знаю, где ее душа. Ба-Адо-Мишрам. Дарующая формы. Их другой бог. Та, что может соперничать с Ним. Та, которую... мы предали.

Мишрам? Несотворенная? Гавилар нахмурился, пытаясь связать воедино все, что знал. Какое Тайдакару дело до Несотворенной? Не сходится. Этот кусок головоломки настолько странный, что непонятно, куда вообще его приткнуть.

– Я все разрушил, – добавил Рестарес. – Ты, Гавилар, тоже все разрушаешь. Хуже, я сделал это снова. Мне... намного хуже...

Гавилар открыл было рот, чтобы ответить, но чья-то рука, как клещами, крепко схватила его за плечо. Он обернулся и увидел макабаки.

– Что ты сделал, Гавилар Холин? – спросил тот ледяным тоном. – Какие действия предпринял, чтобы достичь цели, которую по ошибке поставил перед тобой мой друг?

– Ты даже не представляешь.

Гавилар поднял руку к плечу и встретился взглядом с незнакомцем. Тот наконец отпустил его.

Гавилар достал из кармана мешочек и осторожно высыпал на стол горсть сфер.

– Я уже близок к тому, чего мы хотим, в чем нуждаемся. Рестарес, не время трусить!

Незнакомец уставился на сферы широко раскрытыми глазами. Потом потянулся к сфере, сияющей темным, почти обратным фиолетовым светом. Невозможный свет, такого не должно существовать. Он поднес к сфере пальцы, но, не коснувшись, отдернул их и глянул на Гавилара.

– Ты глупец. Ужасный глупец, который нападает на великую бурю с палкой в руках, надеясь победить. Что ты наделал? Где ты достал пустотный свет?

Гавилар улыбнулся.

– Все движется полным ходом. – Он посмотрел на Рестареса. – Проект оказался успешным.

Тот встрепнулся.

– Успешным? Это... – Рестарес перевел взгляд на друга. – Нейл, это может сработать! Мы могли бы их вернуть, а потом уничтожить. Это может сработать.

Нейл. О бури! Гавилар знал, хоть и старался игнорировать тот факт, что Рестарес притворяется Вестником. Он словно старался произвести впечатление на Гавилара и остальных, но не подозревал, что Гавилар свел знакомство с Буреотцом. Тот рассказал ему правду: Вестники давно вернулись сражаться в Преисподнюю.

Значит, этот человек по имени Нейл притворяется Наланом, Вестником справедливости? Внешность у него что надо. Его часто изображали как властного макабаки. И это родимое пятно... поразительно напоминает то, что можно увидеть на нескольких старых картинах.

Но нет. Чепуха. Если поверить в это, придется поверить и в то, что уж кто-кто, а Рестарес тоже Вестник.

Впрочем... поверить, что новоприбывший – Вестник, не так уж трудно. Гавилар понаблюдал за ним. Он надеялся, что демонстрация сфер убедит их действовать, однако у незнакомца был такой вид, словно его сковало ужасом. Он буквально окаменел.

– Это опасно, – сказал он. – То, что ты делаешь, слишком опасно.

Гавилар не отводил взгляд. Мир подчинится его желаниям. Так было всегда.

– Но ты король, – наконец произнес макабаки. Он сделал шаг назад и, сменив позу, прислонился к книжному шкафу. – Твоя воля... это закон... в этой стране.

Его лицо выражало спокойствие. Точнее, превратилось в маску.

– Да, – сказал Гавилар. – Верно. Моя воля – закон. Я – закон.

И скоро его ждет гораздо больше.

– Рестарес, у меня есть и другие хорошие новости. Эксперименты увенчались успехом, все до единого. Мы можем перемещать пустотный свет из бури сюда и отсюда в Преисподнюю. Как ты и хотел.

– Это реальный способ. – Рестарес глянул на Нейла. – Возможно, способ сбежать...

Нейл указал на сферы.

– И это все? То, что я могу возить их с Брейза и обратно, ничего не значит. Это слишком близко, какое уж тут расстояние!

– Всего несколько лет назад такое было невозможно, – отозвался Гавилар. – Это доказательство. Связь не разрывается, и ящик позволяет путешествовать. Пока не так далеко, как вам хотелось бы, но надо же с чего-то начинать.

Непонятно, почему Рестарес так стремился научиться перемещать свет по Шейдсмару, из одних реальностей в другие. Гавилару очень хотелось бы это знать, а Тайдакар... похоже, ему тоже нужна эта информация – способ транспортировать бурсвет и этот новый пустотный свет на большие расстояния. Причем, безопасно.

Это ценное знание. Имеет ли оно отношение к его миссии? Не поможет ли вернуть Вестников? Запереть их души в самосветы, поместить в алюминиевый ящик, а затем перевезти в Алеткар? Это может сработать. Рестарес говорил о душах Вестников как о спренах, которых можно переносить таким образом...

Размышляя, Гавилар кое-что заметил: приоткрытую дверь, а за ней чей-то глаз.

Преисподняя, это Навани. Много ли она услышала?

– Супруг мой, – сказала она, сразу толкнув дверь. – Гости скучают без тебя. Ты, кажется, потерял счет времени.

Она вела себя так, будто не шпионила. Гавилар на время умирил гнев и повернулся к Рестаресу и его другу:

– Господа, я должен извиниться.

Рестарес опять провел рукой по жидким волосам.

– Гавилар, я хочу побольше узнать о проекте. Кроме того, ты должен знать, что сегодня здесь есть еще кое-кто из нас. Я успел заметить следы ее пребывания.

Еще кое-кто? Еще один Сын Чести?

Нет, он говорил о Вестнике, все больше отрываясь от реальности. Нашел себе человека, которого считает Нейлом. Кого еще?

– У меня скоро встреча с Меридасом и остальными, – успокаивающе проговорил Гавилар.

– Они мне еще кое-что расскажут, и сможем поговорить снова.

– Нет, – резко ответил макабаки. – Сомневаюсь, что мы это сделаем.

– Это еще не все, Нейл! – возразил Рестарес, хоть и подчинился, когда Гавилар повел их к двери.

– Это очень важно! Я хочу уйти. Это единственный способ...

Гавилар закрыл дверь и повернулся к жене. Преисподняя, ей не следовало мешать, когда у него встреча с гостями. Она...

Бури! Красивое платье, а лицо еще краше. Даже когда она злится. Уставилась на него сверкающими глазами, а вокруг словно разгорается пламя.

В который раз, подумал он.

И в который раз отверг эту идею.

Если он собирается стать богом, лучше оборвать привязанности. Солнце может любить звезды. Но не как равных себе.

Некоторое время спустя, оставив Навани и появившись на пиру, Гавилар наконец ускользнул, чтобы снова побыть одному. На сей раз в своих комнатах, а не в ее кабинете.

Минутка покоя, чтобы сопоставить все, что он узнал.

– Скажи... – Гавилар прошел по пружинящему ковру к карте Рошара на столе. – ...с чего это Тайдакар так интересуется Ба-Адо-Мишрам?

Рядом с Гавиларом возникла рябь в воздухе, смутно напоминающая человека, бесцветная и почти бесформенная. Буреотец иногда проявлялся как марево от раскаленных камней.

«Она сотворила ваших паршунов, – ответил он. – Нечаянно. Давным-давно, после последнего возвращения Вестников, но до Отступничества Мишрам попыталась восстать и свергнуть бога пустоносцев. Она даровала обычным пустоносцам формы, пустотный свет, способности, чтобы они могли сражаться».

– Любопытно, – произнес Гавилар. – А потом?

«А потом... ее ждало поражение. Она была слишком мелкой сущностью, недостаточно сильной, чтобы поддерживать целый народ. Все рухнуло, а несколько смелых мужчин и женщин – Сияющие

– сделали то, что должно, – пленили Мишрам в самосвете, чтобы она не уничтожила весь Рошар. Побочным эффектом этого события стали паршуны».

Простодушные паршуны – на самом деле пустоносцы. Восхитительная тайна, которую удалось выведать у Буреотца несколько недель назад. Однако до сего момента Гавилар не знал, что вызвало трансформацию. Он подошел к книжному шкафу, где лежал нагревательный фабриаль, который доставил ему сегодня ученый Рушур Крис, вынул его из тряпичного футляра и взвесил в руке.

Гавилар нашел способ переносить спренов пустоты из Шейдсмара в этот мир с помощью самосветов. Кто бы мог подумать, что научные забавы Навани окажутся столь полезными? Он начал больше вкладываться в разработки артефабров, изучая их дело. Он не просто хотел вернуть пустоносцев – он хотел, чтобы они были у него в долгу. Все должно сработать так, как ему хочется. И если эта вероломная Аксиндвет ускользнет от него, придется все устроить без нее.

Со стороны Буреотца ему послышалось какое-то потрескивание. Молния? Как мило.

– Ты никогда не ставил под сомнение мой замысел, – произнес Гавилар. – Я думал, что возвращение пустоносцев противоречит самой твоей природе.

«Порой противоречие необходимо, – отозвался Буреотец. – Если займешь место, которое я предлагаю, тебе придется кое с кем сразиться».

– Отдай мне его. Сейчас же. Оно мне нужно.

Буреотец повернул к нему мерцающую голову.

«Это почти они».

– Что? Почти нужные слова? Требование?

«Так близко. И так далеко».

Гавилар с улыбкой подумал о заключенном внутри фабриалья спрене пламени. Он ведь скоро отыщет слова? Буреотец становился все более подозрительным и враждебным.

А если все пойдет прахом... что ж, разве нельзя и самого Буреотца заточить в самосвет?

Гавилар преисполнился решимости еще раз поговорить с артефабрами.

– Мишрам – Несотворенная, – сказал он вслух. – Да, я понимаю, как все произошло. Кроме Отступничества. Почему Сияющие отказались от такой силы?

Буреотец хранил молчание.

– Буреотец, ты жалеешь о том, что избрал меня?

«Ты – тот, кого я избрал».

– Это не ответ на мой вопрос.

«Тем не менее это единственный ответ, который я дам».

Гавилар сдержал гнев.

Вскоре прибыл Амарам с несколькими сопровождающими – высокопоставленными Сынами Чести. Буреотец исчез, и Гавилар впустил их, негромко попросив спреана:

– Присмотри за дверью. Сообщи, если за мной снова будет шпионить Навани или еще кто-нибудь.

«Я тебе не мальчик на побегушках. Между нами нет уз. Ты – мое орудие, Гавилар».

Гавилар не ответил, ожидая по прошлому опыту, что Буреотец сделает, как он просит. Он сосредоточился на Амарах и его спутниках: трое мужчин, две женщины. Один из мужчин – лейтенант Амарама. Остальные четверо – новые рекруты Сынов Чести, которых пригласили на пир и удостоили личной аудиенции короля.

Очередная помеха, но оно того стоило. Амарами тщательно отбирал только самых важных людей: видных ученых, светлоглазых глав домов из других стран. Гавилар определил, кто есть кто, по описаниям, кроме старика в просторном одеянии. Кто он такой? Бурестраж? Амараму нравилось держать вокруг себя бурестражей, чтобы они учили его своему алфавиту. Таким образом Амарами сохранял видимость того, что не учится писать и по-прежнему преданно следует воринизму. Для него это было важно.

Гавилар, разумеется, это перерос. Однако он приветствовал каждого по очереди, а когда дошел до старика, все встало на свои места. Он его узнал. Это был Таравангиан, король Харбранта, известный своим слабым умом. Гавилар глянул на Амарама, пряча замешательство. Они ведь не собирались приглашать его в свой доверенный круг? Нужно было найти ту силу, что тайно правит Харбрантом. Скорее всего, это одна из двух женщин, как докладывали Гавилару шпионы.

Амарам лишь кивнул старику еще раз. Следующие полчаса Гавилар произносил свою речь: рассказывал о том, что нужно вернуться к клятвам прошлого, к сути того, чем были Сияющие, хоть под конец они и сбились с пути, говорил о славном прошлом и блестящем будущем.

Это была хорошая речь. Да и как иначе, если он столько раз ее повторял. Вообще, эти разглагольствования уже начинали раздражать. Раньше ему приходилось произносить речи, только чтобы вдохновить солдат. И вот теперь он всю жизнь тратит на совещания и речи.

Пошел бы он другим путем в жизни, если бы тогда, много лет назад, знал, что король гораздо больше времени проводит в зале заседаний, чем на поле битвы?

Закончив речь, он предложил гостям выпить. Пока лейтенант рассказывал о практических преимуществах совместной работы, Гавилар задумчиво наблюдал за Амарамом.

Амарам был олицетворением идеального офицера. Человек чести, когда требуется, но понимающий, что правила армии и общества – лишь средства для достижения цели. Вместе с тем его переполнял энтузиазм. Завербовав его в организацию, Гавилар поразился, насколько горячо Амарам проникся доктринами.

Поймет ли он, что истинная цель Гавилара – бессмертие – гораздо важнее возрождения Сияющих рыцарей? Или встанет на сторону Рестареса?

«Нужно усилить хватку, – подумал Гавилар. – Нужно крепче привязать его к себе. Если бы только Ясна послушалась».

Улучив момент, он отвел Амарама в сторону и прошептал:

– Меридас, эти встречи все более обременительны. Мой эксперимент увенчался успехом. Оружие, за которым я охотился, у меня.

Амарам вздрогнул и негромко сказал:

– Вы имеете в виду...

– Да, мы вернем в этот мир пустоносцев. И когда это случится, у нас будет новый способ сражаться с ними.

– Или новый способ контролировать их, – прошептал Амарам.

Это что-то новенькое. Гавилар изучающе посмотрел на друга – на крепко сжатые челюсти, говорящие об амбициях.

«Молодец, Амарам», – подумал он.

Гавилар не особо распространялся об экспериментах со светом, лишь намекнул Амараму, что есть новый способ убивать пустоносцев, когда те вернутся. Нужно было уверить его и остальных, что их действия сочтут не кощунством, а необходимой мерой ради защиты людей. Скорее всего, Амарам решил, что у Гавилара есть какой-то новый вид осколочного клинка. Пусть пока пребывает в этом убеждении. В вопросе, делиться ли оружием, осторожность не помешает.

Однако Гавилару не приходило в голову, что Амарам готов использовать пустоносцев вместо того, чтобы просто напасть на них. В этом крылась возможность. После встречи с Рестаресом Гавилар беспокоился, что среди Сынов Чести намечается раскол. Нужно, чтобы Амарам остался на его стороне.

– Мы должны вернуть Опустошения, – сказал Гавилар. – Любой ценой. Это единственный способ.

– Согласен. Сейчас, как никогда раньше. – Амарам помедлил. – Ситуация с вашей дочерью не слишком продвинулась. Я считал, мы достигли понимания.

– Тебе просто нужно больше времени, дружище. Чтобы завоевать ее.

Амарам жаждал трона так же, как Гавилар жаждал бессмертия. И, возможно, Гавилар вознаградит его троном. Элокар уж точно не заслужил на нем сидеть. Это полная противоположность тому наследию, которого хочет Гавилар.

Он отпустил Амарама поговорить с остальными. После небольшого перерыва на напитки Гавилар выступит с еще одной короткой речью. А потом можно перейти к более важным...

Он нахмурился, заметив, что один из новичков ни с кем не беседует. Старик – Таравангиан – стоял в стороне и рассматривал карту Рошара на стене. Присоединившийся к остальным Амарам что-то сказал, отчего все рассмеялись. Таравангиан даже не обернулся.

Гавилар подошел к Таравангиану, но не успел заговорить, как тот опередил его и прошептал:

– Вы когда-нибудь думали о жизнях, которые мы им даем? О людях за ними?

Гавилар нахмурился. Он не привык, чтобы к нему обращались фамильярно или навязчиво, особенно незнакомцы. Впрочем, старик мнил себя королем, а то и ровней Гавилару. Смехотворно, если

учесть, что Таравангиан правит лишь одним небольшим городом, но опять-таки, говорили, что этот человек ничем не примечателен.

– Меня сейчас волнуют не столько их жизни, сколько то, что может произойти, – ответил Гавилар.

Таравангиан кивнул с задумчивым видом.

– Речь была хорошая. Вдохновляющая. Вы в самом деле в это верите?

– Стал бы я ее произносить, если бы не верил?

– Ну конечно. Король говорит то, что должен. Разве не замечательно, если бы король всегда говорил то, во что в самом деле верит? Да, замечательно. – Таравангиан с улыбкой глянул на Гавилара.

– Вы в самом деле верите, что Сияющие могут вернуться?

– Да. Верю.

– И вы ведь не глупец, – задумчиво произнес старик. – Значит, у вас должны быть веские причины. Для меня это интереснее самих слов.

Гавилар поймал себя на том, что пересмотрел свое мнение. Маленький король – все равно король. И, возможно, среди всех почетных гостей в городе он единственный, кто может... хотя бы отчасти... понять требования, налагаемые на человека, который зажат между короной и тронном.

– Грядет опасность, – тихо сказал Гавилар, пораженный собственной искренностью. – Этой земле. Этому миру. Древняя опасность.

Таравангиан прищурился.

– Опустошение близко, – продолжал Гавилар. – Буря бурь. Ночь скорбей.

Таравангиан, что примечательно, побледнел.

Он поверил. Гавилар чувствовал себя глупо всякий раз, когда пытался объяснить истины, которые поведал ему Буреотец, ибо знал, что звучат они нелепо. Боялся, что его сочтут спятившим.

И все же этот человек... поверил? Его даже не пришлось убеждать?

– Где вы слышали эти слова? – спросил Таравангиан.

– Не знаю, поверите ли вы, если скажу.

– А вы мне поверите? Десять лет назад моя мать скончалась от опухоли. Ослабевшая, она лежала дома в постели. Многочисленные благовония не могли заглушить смрад смерти... Она глянула на меня в свои последние мгновения... – Он встретился взглядом с Гавиларом. – И кое-что прошептала. «Я стою перед ним, над всем миром, и он говорит правду. Опустошение близко... Буря бурь. Ночь скорбей». Через несколько секунд ее не стало.

– Я... слышал о таком, – признался Гавилар. – Пророчества мертвых. Иногда это случается на поле боя. Последние слова умирающих святы...

– Как вы слышали эти слова? – Таравангиан почти умолял. – Пожалуйста.

– У меня бывают видения, – откровенно ответил Гавилар. – Они ниспосланы Всемогущим, чтобы мы подготовились. – Он бросил взгляд на карту на стене. – Вестники сообщают, что я могу стать тем, кем должно, дабы остановить то, что надвигается...

Пусть Буреотец это осмыслит. Пусть увидит в Гавиларе искренность. Бури... он чувствовал искренность, чего не случалось уже много месяцев. Чувствовал ее, стоя с маленьким королем перед картой мира. И никогда прежде ему в голову не приходила мысль, что, возможно, он не подходит для возложенной на него задачи.

«Наверно, – подумал он, – стоит поощрить Далинара возобновить тренировки. Напомнить ему, что он воин». У Гавилара появилось отчетливое впечатление, что ему вскоре понадобится человек, знакомый с полем боя лучше, чем с залом заседаний.

Прозвучавший в голове голос оборвал торжественность момента.

«Кто-то приближается, – предупредил Буреотец. – Одна из слушателей. Ее имя Эшонай. В ней есть что-то...»

Паршенди? Гавилар встряхнулся. Неловко, когда обнажаешь душу перед другим человеком, даже если это тоже король. Так что он с радостью отвлекся на паршунью.

Отпустив до поры до времени Таравангиана, Амарама и остальных, он пригласил войти эту Эшонай. Хорошо, что удалось избавиться от странного старика с пытливыми глазами. Вот тебе и ничем не примечательный. Почему же он так встревожил Гавилара?

Разговор с паршуньей прошел превосходно. Удалось подтолкнуть ее к тому, чтобы с ее же помощью манипулировать паршенди, подготовить их к ролям, которые они сыграют в ближайшие

годы. Отослав ее, а потом задоблив Амараму, уставший Гавилар сидел в своих покоях и обдумывал великое множество планов.

Он рассмотрел все варианты, дал ход всем возможным идеям. Он добьется награды. Несомненно.

Однако сегодня подкралась усталость, а у него еще одна или две встречи. Садеас уже, наверно, идет. На плечи словно навалился камень. Возможно... дело не только в усталости. После странной беседы с Таравангианом эмоциональные силы словно утекали прочь.

Гавилар опустил в глубокое мягкое кресло у балкона и тяжело вздохнул. В начале своей карьеры военачальника он никогда не позволял себе подобной роскоши. Ему ошибочно казалось, что, если тебе нравится мягкое, значит, ты сам мягкий.

Обычное заблуждение среди мужчин, которые желают казаться сильными. Из-за страха самые простые вещи обладали над ними силой. Расслабиться, поразмышлять – это не слабость.

Воздух перед ним замерцал.

– Насыщенный день, – заметил Гавилар.

«Да».

– Первый из многих. Скоро я снаряжу еще одну экспедицию на Расколотые равнины. Благодаря новому договору мы получим проводников, обещания, способ попасть в центр равнин – к Уритиру.

Буреотец не ответил. Можно ли сказать, что спрен обладает человеческими манерами? Порой казалось, что да, в других случаях он был совершенно непостижим. Хотя сегодня... Эта поза, словно он отвернулся, легкое искривление воздуха. Это молчание...

– Ты жалеешь, что избрал меня? – снова спросил Гавилар.

«Я жалею о том, как обращался с тобой. Не следовало быть таким сговорчивым. Ты обленился».

– Обленился? – Гавилар заставил себя говорить с удивлением, не выдавая раздражения. – Я составил грандиозные планы.

«Ты относишься без почтения к положению, которого стремишься достичь. Я чувствую... ты не тот, кто мне нужен. Не тот, кого я решил найти».

– Ты говорил, что тебе поручили это задание. Честь поручил тебе найти человека и показать ему видения, чтобы он предотвратил катастрофу. Ты ничего не решал. Тебе велели все это сделать.

«Это правда. Я разговариваю не так, как люди. Но когда ты станешь... Вестником, тебе придется отринуть все, что знаешь. Тебе придется терпеть пытки между возвращениями. Почему тебя это не беспокоит?»

Гавилар пожал плечами.

– Я просто сдамся.

«Что?»

– Сдамся. – Гавилар встал с кресла. – Зачем оставаться в том месте, терпеть пытки и, скорее всего, утратить разум? Я буду каждый раз сдаваться и сразу возвращаться.

«Вестники остаются в Преисподней, чтобы удерживать пустоносцев. Чтобы не дать им захватить мир. Чтобы держать их взаперти. Они...»

– Они десять дурней, – перебил Гавилар, налив себе вина из графина. – Если я никогда не умру, то стану величайшим королем за всю историю. Зачем запирает мои знания и талант руководителя в другом мире?

«Чтобы остановить войну».

– А почему меня должно это заботить? – На этот раз Гавилар удивился по-настоящему. – Война – путь к славе, подготовка нашего народа к тому, чтобы отвоевать Чертоги спокойствия. Я никогда не умру и никогда туда не попаду, но мой народ... их нужно как следует подготовить, как думаешь?

Глотнув оранжевого вина, он повернулся к мерцанию в воздухе.

– Я не боюсь пустоносцев. Пусть остаются и сражаются. А если начнут перерождаться... ну, тогда у нас просто всегда будет, кого убивать.

Буреотец не ответил. И снова Гавилар попытался понять настроение спрена по его позе. Гордится ли им Буреотец? Гавилар считал, что нашел изящное решение проблемы. Неясно, почему до этого не додумались Вестники. Может, просто все они были трусами.

«Ах, Гавилар, – произнес Буреотец. – Я понял. Понял свой просчет. Все твое религиозное воспитание... построенное на лжи об Ахаритиаме... привело тебя к этому заключению. И оно ужасно».

Преисподняя, Буреотец недоволен. Гавилар переосмыслил все заново. Буреотец должен видеть в нем одну лишь праведность. Все вдруг показалось ужасно несправедливым. Он пьет эту гадость вместо хорошего вина, чтобы следовать нелепым заповедям, приносит любые жертвы ради благочестия – и все равно этого мало?

– Что я должен делать, чтобы служить? – спросил он.

«Ты не понимаешь. Гавилар, это не те слова».

– И что же это за шквальные слова!? – Гавилар грохнул бокал об стол. Бокал разбился, вино забрызгало стену. – Ты хочешь, чтобы я спас планету? Тогда помоги мне! Скажи, что же я говорю неправильно!

«Дело не в том, что ты говоришь. Неправильно другое».

– Но...

Буреотец вдруг всколыхнулся. Его мерцающие очертания пронзила молния, озарив комнату электрическим свечением. Ковры покрылись инеем, чистый свет отразился в стеклянных дверях балкона.

Буреотец закричал. Полный муки вопль походил на раскат грома.

– Что? – Гавилар попятился. – Что произошло?

«Вестник... Умер Вестник... Нет, я не готов... Клятвенный договор... Нет. Они не должны увидеть. Они не должны узнать...»

– Умер? – переспросил Гавилар. – Умер. Ты говорил, они уже мертвы! Ты говорил, они в Преисподней, терпят пытки!

Буреотец пошел рябью, среди мерцания проявилось лицо. Два глаза, как провалы в буре, вокруг спиралью вихряются и уводят вглубь облака.

– Ты солгал, – понял Гавилар. – Ты солгал?

«О Гавилар, ты так мало не знаешь. Так много додумываешь. Одно и другое никогда не пересекутся, как дороги в противоположные стороны».

Эти глаза словно тянули Гавилара вперед, чтобы сокрушить его, поглотить. Он никогда не видел ничего подобного. Он узрел бури... бесконечные бури и такой хрупкий мир – крохотное синее пятнышко на бескрайнем черном полотне.

Буреотец умеет лгать?

– Рестарес, – прошептал Гавилар. – Он...

«Да».

Гавилара пробрал озноб, словно он стоял посреди великой бури. Лед просачивался под кожу, подбирался к сердцу. Эти глаза...

– Что ты такое? – хрипло прошептал Гавилар.

«Самый большой глупец из всех, – ответил Буреотец. – И существо, которое просчиталось. ПРОЩАЙ, ГАВИЛАР. Я УВИДЕЛ ОТБЛЕСК ТОГО, ЧТО НАДВИГАЕТСЯ. И Я НЕ СТАНУ ЭТОМУ МЕШАТЬ».

– Чему? – настойчиво спросил Гавилар, шагнув вперед. – Что надвигается?

«ТВОЕ НАСЛЕДИЕ».

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся, покрасневший Садеас.

– Убийца, – произнес он. – Идет сюда, убивает стражников. Нам нужна твоя броня.

Гавилар ошеломленно воззрился на него.

Одно слово вспыхнуло в мозгу:

«Убийца».

«Меня предали», – подумал он и понял, что не удивлен. Он этого ожидал. Это назревало неделями. Один из них должен был прийти за ним.

Но который?

– Гавилар! – крикнул Садеас. – Броня?

– Ее надел Тирим.

– Преисподняя! – Садеас распахнул дверь. – Моя недалеко.

– Ты принес на пир броню?

– Разумеется. – Садеас оглянулся на него. – Я не доверяю этим паршенди. Тебе не помешает взять с меня пример. Излишнее доверие однажды тебя погубит.

Издали слышались крики, но сразу за дверью Гавилар увидел оружейников Садеаса, спешащих с осколочным доспехом – распакованным, готовым.

– Сдержи убийцу, – сказал Гавилар. – Я побегу к Тириму и вернусь в своей броне.
– У меня есть идея получше. Дай мне твой плащ.
Гавилар заколебался, потом встретился взглядом с другом.
– Ты это сделаешь?
– Я очень постарался посадить тебя на трон, Гавилар, – мрачно произнес Садеас. – Не хочу, чтобы мои усилия пропали впустую.
– Спасибо.
Садеас пожал плечами и надел плащ. Тем временем оружейники по его приказу облачали Гавилара в доспехи. Кем бы ни был этот убийца, осколочник его по стенке размажет.
Гавилар посмотрел туда, где находился Буреотец, но мерцание исчезло.
Гавилара предали, но кто?
Спрены не умеют лгать. Не умеют. Он узнал это от... Буреотца.
«Кровь моих отцов, – подумал Гавилар, пока оружейники надевали доспех на его ноги. – О чем еще он мне солгал?»
И почему, во имя Рошара, он так поступил?

Гавилар упал.
И еще до удара о землю понял, что это конец.
Оборванное наследие. Убийца, который двигается со сверхъестественным изяществом, шагая по стенам и потолку, и управляет светом из самих бурь.
Гавилар рухнул на землю среди обломков балкона. Перед глазами мелькнуло что-то белое. Боли он не чувствовал – очень скверный признак.
«Тайдакар, – подумал Гавилар, когда перед ним возникла укрытая ночной темнотой фигура. – Только Тайдакар мог послать убийцу, способного на такое».
Он закашлялся, а фигура склонилась над ним.
– Я... ждал... тебя, – выдавил Гавилар.
Убийца опустился перед ним на колени, хотя Гавилар видел лишь тени. Потом... что-то изменилось. Гавилар не разобрал, что сделал убийца, но тот вдруг засветился, как сфера. Он уже так делал...
Кровь... кровь отцов.
– Скажи... Тайдакару... что уже слишком поздно, – прошептал Гавилар.
– Не знаю, кто это, – невнятно сказал убийца и отвел руку в сторону, призывая клинок. Вот и все. За убийцей появился ореол, венец, мерцающий свет – Буреотец.
«Это не я, – произнес Буреотец в его голове. – Не я был причиной. Не знаю, принесет ли это тебе покой в твои последние мгновения, Гавилар».
Но...
– Тогда кто?.. – прохрипел Гавилар. – Рестарес? Садеас? Я и не думал...
– Меня послали паршенди, – ответил убийца.
Моргнув, Гавилар снова сосредоточился на убийце, пока в его руке формировался клинок.
– Паршенди? Бессмысленно.
«Гавилар, я тебя предупреждал, – сказал Буреотец. – Эта неудача в такой же степени моя, как и твоя. Если я попробую снова, то сделаю все по-другому. Я думал... твоя семья...»
Его семья. В этот миг Гавилар увидел, как рушится его наследие. Он умирал.
Бури, он умирал.
Что ему оставалось? Ничто не имеет значения, если он умирает. Он не мог... Не мог...
Он должен был жить вечно...
«Ты зазвал врага обратно, – понял он. – Конец приближается. А твоей семье, твоему королевству неоткуда ждать помощи, нечем сражаться. Разве что...»
Дрожащей рукой он достал из кармана сферу. Оружие. Им это понадобится. Его сын... Нет, сын не справится... Им нужен воин. Настоящий воин. Воин, которого Гавилар много лет всеми силами подавлял. Подавлял из страха, который он едва осмеливался признать, даже испуская последние судорожные вздохи.
Далинар. Да помогут им бури, все свелось к Далинару.

Он протянул сферу Буреотцу, зрение меркло. Думать... было... трудно.

– Забери, – прошептал Гавилар Буреотцу. – Они не должны это получить. – Сознание расплывалось. – Передай... передай моему брату... Пусть разыщет самые важные слова, какие только может сказать мужчина...

«Нет, не ему, – произнес Буреотец, хотя чья-то рука взяла сферу. – Прости, Гавилар. Я больше никогда не доверюсь твоей семье. Однажды я сделал ошибку. Я ее не повторю».

Гавилар испустил стон: боль терзала душу, а не тело. Он потерпел крах. Всех погубил. С ужасом он понял, что вот таким будет его наследие.

И в конце концов Гавилар Холин, преемник Вестников, умер. Как умирают все люди.

В одиночестве.